

Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия

Е.Р. Агадуллина Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Е.П. Белинская* Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
М.Р. Джураева Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (филиал в г. Ташкенте), Ташкент, Узбекистан

Поступила 6 сентября 2020 / Принята к публикации: 20 сентября 2020

Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences

Elena R. Agadullina National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1505-1412

Elena P. Belinskaya* Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3057-5273

* Corresponding author E-mail: elena_belinskaya@list.ru

Malika R. Dzhuраeva Lomonosov Moscow State University (Tashkent branch), Tashkent, Uzbekistan

ORCID: 0000-0001-8557-4780

Received September 6, 2020 / Accepted for publication: September 20, 2020

Актуальность. Особенности и предикторы проактивного совладания все еще остаются недостаточно изученной темой в психологии. При этом изучение восприятия и оценки человеком возможных, отнесенных в будущее трудностей становится все более актуальным в контексте ускоряющихся социальных изменений.

Цель — выявить культурно-специфические и культурно-универсальные паттерны в выборе стратегий проактивного копинга в зависимости от взаимодействия личностных и ситуационных детерминант.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в форме онлайн-опроса с привлечением в качестве респондентов студентов из Москвы (N = 311) и из Ташкента (N = 272). Участники исследования последовательно заполняли методики на оценку предпочтений различных стратегий проактивного совладания, уровня общей самооффективности, степени толерантности к неопределенности и текущего переживания позитивного/негативного аффекта.

Результаты исследования. В ходе исследования было выявлено, что адаптированный ранее русскоязычный вариант методики стратегий проактивного совладания Е. Грингласса обладает культурной инвариантностью. Сравнение респондентов из России и Узбекистана по степени выраженности стратегий проактивного совладания показало, что московские респонденты в большей степени предпочитают стратегии поиска информационной и эмоциональной поддержки, нежели ташкентские. Проверка модели взаимодействия ситуационных и личностных переменных показала, что именно взаимодействие эмоционального состояния и самооффективности определяет предпочтение стратегий проактивного, рефлексивного, превентивного совладания и стратегии стратегического планирования как в России, так и в Узбекистане. Взаимодействие толерантности к неопределенности с эмоциональным состоянием позитивно предсказывает только предпочтение стратегии проактивного совладания в обеих выборках и негативно — выбор стратегии стратегического планирования у респондентов из Узбекистана.

Заключение. Полученные результаты продемонстрировали больше культурной универсальности, чем культурной специфичности в предпочтении различных стратегий проактивного совладания. Возможны два направления дальнейших исследований: содержательный анализ образа трудных ситуаций с точки зрения и культурной специфичности, и кросс-культурной инвариантности, и расширение спектра изучаемых детерминант проактивного совладания, включение в них в качестве возможных социальных ценностей и персональных ценностных ориентаций.

Ключевые слова: проактивное совладание, кросс-культурные различия, самооффективность, толерантность к неопределенности, эмоциональные состояния.

Background The characteristics and predictors of proactive coping still remain insufficiently studied topics in psychology. At the same time, the study of a person's perception and assessment of possible future-related difficulties becomes more and more relevant in the context of accelerating social changes.

The objective of the research is to identify culturally specific and culturally universal patterns in the choice of proactive coping strategies, depending on the interaction of personal and situational determinants.

Design. The research was conducted in the form of an online survey involving students from Moscow (N = 311) and from Tashkent (N = 272) as respondents. Participants in the study consistently completed questionnaires to assess the preferences of various strategies of proactive coping, the level of general self-efficacy, the degree of tolerance to uncertainty, and the current experience of positive / negative affect.

Results. In the course of the study it was revealed that the previously adapted Russian-language version of the methodology of proactive coping strategies by E. Greenglass has cultural invariance. Comparison of respondents from Russia and Uzbekistan in terms of the severity of proactive coping strategies showed that Moscow respondents prefer strategies of seeking information and emotional support to a greater extent than Tashkent ones. Testing the model of interaction of situational and personal variables showed that it is the interaction of emotional state and self-efficacy that determines the preference for strategies of proactive, reflexive, preventive coping and strategic planning strategies both in Russia and in Uzbekistan. The interaction of tolerance to uncertainty with emotional state positively predicts only the preference for a proactive coping strategy in both samples and negatively predicts the choice of a strategic planning strategy among respondents from Uzbekistan.

Conclusion. The obtained results demonstrated more cultural versatility than cultural specificity in favoring different strategies for proactive coping. Two directions of further research are possible: conducting a meaningful analysis of the image of difficult situations from the point of view of both cultural specificity and cross-cultural invariance. The second direction is expanding the spectrum of the studied determinants of proactive coping, including possible social values and personal value orientations.

Key words: proactive coping, cross-cultural differences, self-efficacy, tolerance for uncertainty, emotional states.

Введение

Начиная с последней трети прошлого века, обращение к анализу культурных различий при изучении социального развития личности становится устойчивым трендом в психологии. Сегодня кросс-культурный подход во всех областях психологического

будучи исходно обусловлены открывающимися возможностями анализа проблемы «культура и личность» через известные бинарные оппозиции (например, индивидуализм – коллективизм), сегодня все чаще подчеркивают сосуществование в рамках любого культурного поля разнонаправленных элементов и, соответственно, со-

ной категоризации и самокатегоризации, содержания социальных переживаний и обусловленных ими закономерностей тех или иных форм социального поведения сегодня мыслится преимущественно через акцентирование активной роли субъекта в этих процессах. Неслучайно в большинстве исследований зависимость социального поведения человека от культурного контекста рассматривается через призму личностных диспозиций (например, Карабанова, 2017). В-третьих, общей чертой многообразия современных психологических кросс-культурных исследований является повышенное внимание к процессам адаптации. Причиной этого является не только объективное возрастание мобильности в условиях глобализации, но и тот очевидный факт, что мир различных культур по-разному переживает возрастающую вариативность и неопределенность социального пространства нашей эпохи (Asmolv et al., 2018; Martsinkovskaya, 2019).

Представляется закономерным, что пространство кросс-культурных исследований с начала XXI века все более и более обогащается изучением копинг-процессов. Вне зависимости от теоретических пристрастий авторов, преодоление человеком трудных жизненных ситуаций рассматривается исследователями как полидетерминированный процесс, обусловленный комплексом личностных и социокультурных предикторов и направленный на решение задач адаптации к динамичной социальной среде

знания открывает обширное пространство для теоретических и прикладных исследований. При всем своем разнообразии это пространство характеризуется несколькими общими акцентами. Во-первых, кросс-культурные исследования в психологии,

держательно различных агентов культурного влияния на личность (Лебедева и др., 2016; Yoshihisa Kashima, 2016). Во-вторых, решение изначального вопроса о культурной специфичности/кросс-культурной универсальности процессов социаль-

В силу отмеченных особенностей представляется закономерным, что пространство кросс-культурных исследований с начала XXI века все более и более обогащается изучением копинг-процессов. Вне зависимости от теоретических пристрастий авторов, преодоление человеком трудных жизненных ситуаций рассматривается исследователями как полидетерминированный процесс, обусловленный комплексом личностных и социокультурных предикторов и направленный на решение задач адаптации к динамичной социальной среде (Kuo, 2011; Shavitt et al., 2016).

Очевидно, что влияние культуры на процессы совладания как один из вариантов адаптивного поведения может быть рассмотрено, как минимум, с трех взаимодополняющих позиций:

- 1) через культурные особенности восприятия самих трудных ситуаций;
- 2) через транслируемые различными социокультурными агентами нормы использования при совладании тех или иных ресурсов;
- 3) через усвоенные в ходе аккультурации практики поведения и переживания в трудных ситуациях.

Так, эмпирические данные межкультурных различий копинга свидетельствуют, что выбор субъектом тех или иных стратегий совладания опосредован его восприя-

Елена Рафиковна Агадуллина –

кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник факультета социальных наук департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
<https://istina.msu.ru/profile/agadullina/>

Елена Павловна Белинская –

доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
<https://istina.msu.ru/profile/elenabelinskaya/>

Малика Ровшанбек кизи Джураева –

выпускница факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (филиал в г. Ташкенте)

Для цитирования: Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джураева М.Р. Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 3(39). – С. 30–38. doi: 10.11621/npj.2020.0304

For citation: Agadullina E.R., Belinskaya E.P., Dzuraeva M.R. (2020). Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 13(3), 30–38. doi: 10.11621/npj.2020.0304

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2020
© Russian Psychological Society, 2020

тием и оценкой стрессогенности ситуаций (Krukova et al., 2018), нормативными предписаниями в использовании ресурсов социальной поддержки (Битюцкая, 2018), такими «культурными константами» как толерантность к неопределенности (Рогачев, Коноплева, 2017) и т.п. Достаточно многочисленными являются и исследования межкультурных различий личностных ресурсов совладания, среди которых доминирующие позиции отводятся локусу контроля, самоэффективности, уровню оптимизма и особенностям Я-концепции (Smith et al., 2016). При этом аналогичных исследований не реактивного, а проактивного копинга еще крайне недостаточно, а между тем смещение фокуса на изучение восприятия и оценку человеком возможных, отнесенных в будущее трудностей становится все более выраженным (Greenglass, Fiksenbaum, 2009; Drummond, Brough, 2016; Miao et al., 2017; Altay-Atalan, Zejtun, 2020). На данный момент можно констатировать отсутствие непротиворечивых данных о личностных и ситуационных предикторах проактивного совладания, а также о взаимодействии этих факторов при принятии решений о предпочтении тех или иных стратегий проактивного совладания.

В представленном исследовании мы ставим перед собой цель – частично восполнить этот пробел и изучить культурно-специфические и культурно-универсальные паттерны в выборе стратегий проактивного копинга в зависимости от взаимодействия личностных и ситуационных детерминант.

В качестве личностных детерминант проактивного копинга мы рассматриваем общие уровни толерантности к неопределенности и самоэффективности индивидов. Как уже упоминалось выше, предыдущие исследования показывают устойчивые связи данных переменных с копингом, поскольку эти личностные характеристики способствуют поддержанию представлений о том, что индивид способен эффективно справиться с любой проблемой, даже если условия будут изначально недостаточно точно определены (Williams, Rhodes, 2016). Важно, что данные связи могут рассматриваться как культурно-универсальные.

В качестве ситуационных переменных мы рассматриваем аффективную реакцию человека на недавние события его жизни. Несмотря на то, что стиль эмоционального реагирования на различные события может быть достаточно устойчивым индивидуальным паттерном (Vecerra et al., 2017), люди склонны испытывать в большей степени те эмоции, которые соответствуют целям и ценностям их культуры. Об этом свидетельствуют накапливающиеся эмпирические данные (De Leersnyder et al., 2016). Таким образом, актуальные эмоциональные состояния отражают восприятие жизненной ситуации в культурном контексте и позволяют лучше понять, как представители разных культур воспринимают, оценивают и интерпретируют ту или иную ситуацию.

Для кросс-культурного сравнения были выбраны группы респондентов из России (г. Москва) и из Узбекистана (г. Ташкент). Кроме соображений организационной доступности, выбор этих двух групп респондентов определялся тем, что мы предполагали наличие в данном случае сложного социокультурного «смешения». С одной стороны, и в том, и в другом случае речь шла о выборках, сопоставимых по ряду социально-демографических признаков (возраст, образовательный статус, характер места жительства). С другой стороны, респонденты являлись представителями первого поколения, родившегося и выросшего в отдельных государствах, не имеющих общего советского прошлого, и при этом с различным отношением к национальной культуре (последние годы в Узбекистане фиксируется стабильный рост национального самосознания, особенно в молодежных когортах¹).

Описание исследования

В исследовании, проводимом в форме онлайн-опроса, приняло участие 272 студента из г. Ташкент² (105 мужчин и 167 женщин, средний возраст – 21,57, стандартное отклонение – 3,86) и 311 студентов из России (110 мужчин и 221 женщина, средний возраст – 18,93, стандартное отклонение – 1,66).

Для оценки характера проактивного копинга использовался опросник Е. Грингласса в русскоязычной адаптации (Белинская, Вечерин, 2018). Он содержит 30 суждений, составляющих 6 шкал:

- 1) проактивное совладание (ПРО) – описывает отношение человека к трудной жизненной ситуации как к источнику позитивного опыта;
- 2) рефлексивное совладание (РЕФ) – изучает оценку возможных вариантов поведения в ситуации будущих трудностей;
- 3) стратегическое планирование (СП) – измеряет способность планировать будущие действия в случае жизненных затруднений;
- 4) превентивное совладание (ПРВ) – описывает способность использовать прошлый опыт в предвосхищении трудных ситуаций;
- 5) поиск инструментальной поддержки (ИП) – измеряет готовность запрашивать информацию у других людей;
- 6) поиск эмоциональной поддержки (ЭП) – описывает способность регулировать свое эмоциональное состояние в трудных ситуациях через общение с другими людьми. Респондентам необходимо оценить степень согласия с суждениями по шкале от 1 – «абсолютно не согласен» до 4 – «абсолютно согласен».

Толерантность к неопределенности (ТН) измерялась при помощи шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна (Осин, 2010). Шкала содержит 22 утверждения, степень согласия с которыми необходимо отметить на шкале от 1 – «совершенно не согласен» до 7 – «полностью согласен».

Самоэффективность (СЭ) измерялась при помощи шкалы общей самоэффективности (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996). Шкала содержит 10 суждений, степень согласия с которыми необходимо оценить по шкале от 1 – «абсолютно неверно» до 4 – «совершенно верно».

Для измерения актуального позитивного и негативного аффекта использовался русскоязычный аналог методики PANAS в разработке Е. Осина (Осин, 2012). Методика включает 20 прилагательных,

¹ По результатам социологических опросов республиканского Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» ijtimoiy-fikr.uz

² Все ташкентские студенты обучались на русском языке.

Таблица 1. Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа

	Инвариантность	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI	AIC	$\Delta \chi^2$	Δdf	ΔCFI
Группы (русские, узбеки)	Configural	773.466*	618	0.029 [0.022; 0.036]	0.055	0.933	0.924	36972			
	Metric	805.824*	639	0.030 [0.023; 0.036]	0.060	0.928	0.921	36970	43.606*	21	0.005
	Scalar	859.693*	660	0.032 [0.026; 0.038]	0.061	0.919	0.909	37010	20.579*	21	0.009

Примечание: χ^2 – хи-квадрат, df – степени свободы, RMSEA – среднеквадратичная ошибка, CFI – сравнительный индекс соответствия, TLI – индекс Такера – Льюиса, SRMR – стандартизованный среднеквадратичный остаток.

Table 1. Results of multi-group confirmatory factor analysis

	Invariance	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI	AIC	$\Delta \chi^2$	Δdf	ΔCFI
Groups (Russians, Uzbeks)	Configural	773.466*	618	0.029 [0.022; 0.036]	0.055	0.933	0.924	36972			
	Metric	805.824*	639	0.030 [0.023; 0.036]	0.060	0.928	0.921	36970	43.606*	21	0.005
	Scalar	859.693*	660	0.032 [0.026; 0.038]	0.061	0.919	0.909	37010	20.579*	21	0.009

которые описывают различные чувства и эмоции. Респондентов просят оценить, в какой степени (от 1 – «почти или совсем нет» до 5 – «очень сильно») они испытывали данные эмоции в последнюю неделю.

Результаты и их обсуждение

Кросс-культурное сравнение предпочтений стратегий проактивного копинга

Чтобы провести сравнение предпочтений различных стратегий проактив-

ного копинга у респондентов из России и Узбекистана, необходимо продемонстрировать, что используемый нами вариант методики проактивного совладания Е. Грингласса обладает культурной инвариантностью. Для реализации данной проверки использовался мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (MCFA). Проверка эквивалентности данных проводилась на основании трех видов инвариантности:

1) конфигурационной (Configural), проверяющей, демонстрирует ли одинаковую факторную структуру методика в разных группах;

2) метрической (Metric), показывающей, совпадают ли нагрузки переменных внутри факторов;

3) скалярной (Scalar), отражающей, вносят ли нагрузки разных суждений эквивалентный вклад в латентную переменную (Scalar invariance).

Результаты MCFA представлены в табл. 1 и наглядно демонстрируют, что используемая нами методика проактивного копинга обладает тремя уровнями инвариантности при сравнении двух выборок (все показатели моделей соответствуют требуемым критериям – RMSEA < 0.08, SRMR < 0.90, CFI < 0.90, TLI < 0.90 (Hu, Bentler, 1999), ΔCFI < 0.01 (Meade et al., 2008)). Данный результат указывает на то, что методика идентично работает на исследуемых группах. Следовательно, можно обоснованно проводить сравнение средних между респондентами из России и Узбекистана.

Представленная далее табл. 2 демонстрирует, что все шкалы методики проактивного копинга демонстрируют приемлемый уровень внутренней согласованности как у российской ($\alpha \geq 0.67$), так и у узбекской выборки ($\alpha \geq 0.72$). Сравнение средних выявило выраженные кросс-культурные различия в предпочтении стратегий поиска инструментальной и эмоциональной поддержки. В частности, студенты из России в большей степени используют данные стратегии, по сравнению со студентами из Узбекистана. Обе эти стратегии предполагают активное взаимодействие с другими людьми в качестве способа совладания с трудностями. Этот результат, с нашей точки зрения, может объясняться тем, что взаимопомощь в трудных ситуациях является настолько культурно нормативной для ташкентских

Таблица 2. Описательная статистика и сравнение средних для шкал проактивного копинга

Шкала	Россияне			Узбеки			
	M	SD	α	M	SD	α	
Проактивное копинг	3.04	0.49	0.72	3.00	0.55	0.69	t (581) = 0.89, p = 0.374, d = 0.08
Рефлексивный копинг	3.03	0.58	0.78	2.92	0.69	0.79	t (581) = 2.01, p = 0.045, d = 0.17
Стратегическое планирование	2.62	0.74	0.74	2.59	0.75	0.67	t (581) = 0.51, p = 0.612, d = 0.04
Профилактический копинг	2.90	0.64	0.72	2.83	0.64	0.74	t (581) = 1.27, p = 0.206, d = 0.11
Поиск инструментальной поддержки	2.71	0.68	0.72	2.43	0.68	0.71	t (581) = 4.99, p < 0.001, d = 0.41
Поиск эмоциональной поддержки	2.68	0.74	0.77	2.46	0.74	0.73	t (581) = 3.43, p = 0.001, d = 0.30

Примечание: α – альфа Кронбаха, d – d-Коэна.

Table 2. Descriptive statistics and comparison of means for proactive coping scales

Шкала	Russians			Uzbeks			
	M	SD	α	M	SD	α	
Proactive coping	3.04	0.49	0.72	3.00	0.55	0.69	t (581) = 0.89, p = 0.374, d = 0.08
Reflexive coping	3.03	0.58	0.78	2.92	0.69	0.79	t (581) = 2.01, p = 0.045, d = 0.17
Strategic planning	2.62	0.74	0.74	2.59	0.75	0.67	t (581) = 0.51, p = 0.612, d = 0.04
Preventive coping	2.90	0.64	0.72	2.83	0.64	0.74	t (581) = 1.27, p = 0.206, d = 0.11
Search for instrumental support	2.71	0.68	0.72	2.43	0.68	0.71	t (581) = 4.99, p < 0.001, d = 0.41
Search for emotional support	2.68	0.74	0.77	2.46	0.74	0.73	t (581) = 3.43, p = 0.001, d = 0.30

Note: α – Cronbach's alpha, d – Cohen's d

Для цитирования: Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джурова М.Р. Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 3(39). – С. 30–38. doi: 10.11621/npj.2020.0304

For citation: Agadullina E.R., Belinskaya E.P., Dzhurava M.R. (2020). Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 13(3), 30–38. doi: 10.11621/npj.2020.0304

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2020
© Russian Psychological Society, 2020

Таблица 3. Результаты анализа взаимодействия ситуационных и личностных детерминант

Россияне	ТН	СЭ	ПРО	РЕФ	СП	ПРВ	ИП	ЭП
	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)
Эмоциональный фон	0.53*** (0.11)	0.24*** (0.06)	0.17*** (0.04)	-0.05 (0.07)	0.09 (0.09)	-0.07 (0.06)	-0.04 (0.08)	0.08 (0.09)
ТН			0.06* (0.02)	-0.01 (0.04)	-0.04 (0.04)	-0.01 (0.03)	-0.06 (0.04)	-0.05 (0.05)
СЭ			0.53*** (0.05)	0.41*** (0.07)	0.31*** (0.09)	0.48*** (0.07)	0.12 (0.08)	0.20* (0.09)
	R ² = 0.07	R ² = 0.06	R ² = 0.45	R ² = 0.12	R ² = 0.05	R ² = 0.16	R ² = 0.01	R ² = 0.02
Общий эффект			0.16, 95 % CI (0.09, 0.24)	0.09, 95 % CI (0.04, 0.16)	0.05, 95 % CI (-0.01, 0.12)	0.11, 95 % CI (0.05, 0.18)	-0.00, 95 % CI (-0.06, 0.06)	-0.02, 95 % CI (-0.05, 0.09)
Непрямой эффект на стратегии совладания								
Эмоциональный фон	ТН		0.03, 95 % CI (0.00, 0.06)	-0.00, 95 % CI (-0.04, 0.04)	-0.02, 95 % CI (-0.08, 0.03)	-0.01, 95 % CI (-0.05, 0.03)	-0.03, 95 % CI (-0.09, 0.02)	-0.03, 95 % CI (-0.09, 0.02)
Эмоциональный фон	СЭ		0.13, 95 % CI (0.07, 0.20)	0.10, 95 % CI (0.05, 0.16)	0.08, 95 % CI (0.02, 0.15)	0.12, 95 % CI (0.06, 0.19)	0.03, 95 % CI (-0.01, 0.08)	0.05, 95 % CI (-0.00, 0.11)
Узбеки	ТН	СЭ	ПРО	РЕФ	СП	ПРВ	ИП	ЭП
	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)
Эмоциональный фон	0.63*** (0.11)	0.43*** (0.06)	0.09 (0.06)	0.11 (0.08)	0.08 (0.10)	0.03 (0.08)	-0.11 (0.09)	0.05 (0.10)
ТН			0.07* (0.03)	-0.02 (0.04)	-0.11* (0.05)	0.05 (0.04)	-0.03 (0.05)	-0.08 (0.05)
СЭ			0.49*** (0.06)	0.55*** (0.08)	0.46*** (0.09)	0.51*** (0.07)	0.18* (0.08)	0.16 (0.09)
	R ² = 0.10	R ² = 0.15	R ² = 0.34	R ² = 0.22	R ² = 0.11	R ² = 0.23	R ² = 0.02	R ² = 0.02
Общий эффект			0.25, 95 % CI (0.17, 0.35)	0.23, 95 % CI (0.13, 0.34)	0.13, 95 % CI (0.03, 0.24)	0.25, 95 % CI (0.16, 0.35)	0.06, 95 % CI (-0.03, 0.16)	0.02, 95 % CI (-0.08, 0.13)
Непрямой эффект на стратегии совладания								
Эмоциональный фон	ТН		0.05, 95 % CI (0.01, 0.09)	-0.01, 95 % CI (-0.07, 0.04)	-0.07, 95 % CI (-0.14, -0.01)	0.03, 95 % CI (-0.02, 0.08)	-0.02, 95 % CI (-0.08, 0.04)	-0.05, 95 % CI (-0.11, 0.01)
Эмоциональный фон	СЭ		0.21, 95 % CI (0.13, 0.30)	0.24, 95 % CI (0.14, 0.34)	0.20, 95 % CI (0.11, 0.30)	0.22, 95 % CI (0.13, 0.32)	0.08, 95 % CI (0.00, 0.17)	0.07, 95 % CI (-0.01, 0.16)

Table 3. Results of the analysis of the interaction of situational and personal determinants

Russians	Tolerance to uncertainty	Self-efficacy	Proactive coping	Reflexive coping	Strategic planning	Preventive coping	Search for instrumental support	Search for emotional support
	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)
Emotional background	0.53*** (0.11)	0.24*** (0.06)	0.17*** (0.04)	-0.05 (0.07)	0.09 (0.09)	-0.07 (0.06)	-0.04 (0.08)	0.08 (0.09)
Tolerance to uncertainty			0.06* (0.02)	-0.01 (0.04)	-0.04 (0.04)	-0.01 (0.03)	-0.06 (0.04)	-0.05 (0.05)
Self-efficacy			0.53*** (0.05)	0.41*** (0.07)	0.31*** (0.09)	0.48*** (0.07)	0.12 (0.08)	0.20* (0.09)
	R ² = 0.07	R ² = 0.06	R ² = 0.45	R ² = 0.12	R ² = 0.05	R ² = 0.16	R ² = 0.01	R ² = 0.02
Overall effect			0.16, 95 % CI (0.09, 0.24)	0.09, 95 % CI (0.04, 0.16)	0.05, 95 % CI (-0.01, 0.12)	0.11, 95 % CI (0.05, 0.18)	-0.00, 95 % CI (-0.06, 0.06)	-0.02, 95 % CI (-0.05, 0.09)
Indirect effect on coping strategies								
Emotional background	Tolerance to uncertainty		0.03, 95 % CI (0.00, 0.06)	-0.00, 95 % CI (-0.04, 0.04)	-0.02, 95 % CI (-0.08, 0.03)	-0.01, 95 % CI (-0.05, 0.03)	-0.03, 95 % CI (-0.09, 0.02)	-0.03, 95 % CI (-0.09, 0.02)
Emotional background	Self-efficacy		0.13, 95 % CI (0.07, 0.20)	0.10, 95 % CI (0.05, 0.16)	0.08, 95 % CI (0.02, 0.15)	0.12, 95 % CI (0.06, 0.19)	0.03, 95 % CI (-0.01, 0.08)	0.05, 95 % CI (-0.00, 0.11)
Uzbeks	Tolerance to uncertainty	Self-efficacy	Proactive coping	Reflexive coping	Strategic planning	Preventive coping	Search for instrumental support	Search for emotional support
	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)	Beta (SE)
Emotional background	0.63*** (0.11)	0.43*** (0.06)	0.09 (0.06)	0.11 (0.08)	0.08 (0.10)	0.03 (0.08)	-0.11 (0.09)	0.05 (0.10)
Tolerance to uncertainty			0.07* (0.03)	-0.02 (0.04)	-0.11* (0.05)	0.05 (0.04)	-0.03 (0.05)	-0.08 (0.05)
Self-efficacy			0.49*** (0.06)	0.55*** (0.08)	0.46*** (0.09)	0.51*** (0.07)	0.18* (0.08)	0.16 (0.09)
	R ² = 0.10	R ² = 0.15	R ² = 0.34	R ² = 0.22	R ² = 0.11	R ² = 0.23	R ² = 0.02	R ² = 0.02
Overall effect			0.25, 95 % CI (0.17, 0.35)	0.23, 95 % CI (0.13, 0.34)	0.13, 95 % CI (0.03, 0.24)	0.25, 95 % CI (0.16, 0.35)	0.06, 95 % CI (-0.03, 0.16)	0.02, 95 % CI (-0.08, 0.13)
Indirect effect on coping strategies								
Emotional background	Tolerance to uncertainty		0.05, 95 % CI (0.01, 0.09)	-0.01, 95 % CI (-0.07, 0.04)	-0.07, 95 % CI (-0.14, -0.01)	0.03, 95 % CI (-0.02, 0.08)	-0.02, 95 % CI (-0.08, 0.04)	-0.05, 95 % CI (-0.11, 0.01)
Emotional background	Self-efficacy		0.21, 95 % CI (0.13, 0.30)	0.24, 95 % CI (0.14, 0.34)	0.20, 95 % CI (0.11, 0.30)	0.22, 95 % CI (0.13, 0.32)	0.08, 95 % CI (0.00, 0.17)	0.07, 95 % CI (-0.01, 0.16)

Наиболее интересный культурно-специфический результат связан с ролью толерантности к неопределенности при выборе стратегического планирования у узбекской выборки. В частности, различия в эмоциональных состояниях усиливали у данных респондентов различия в толерантности к неопределенности, которая в свою очередь уменьшала выбор стратегического планирования

респондентов, что уже не рефлексруется ими как осознанное усилие при совладании с трудностями, в отличие от московской выборки.

Незначительные различия наблюдаются в выборе стратегии рефлексивного копинга, но с учетом достаточно слабого размера эффекта их можно не принимать во внимание. Оставшиеся стратегии в равной степени используются представителями обеих выборок.

Ситуационные и личностные предикторы проактивного копинга

Для проверки эмпирической модели взаимодействия личностных и ситуационных детерминант проактивного совладания на первом этапе мы выделили подгруппы респондентов с разным эмоциональным фоном переживания ситуаций, предшествующих опросу.

Используя результаты методики оценки позитивного и негативного аффек-

и самооффективностью) предсказывали предпочтение различных стратегий проактивного совладания. Результаты данного анализа представлены в табл. 3.

Полученные данные позволяют выделить общие и культурно-специфические паттерны в предпочтении различных стратегий проактивного копинга.

В обеих выборках респонденты, которые испытывали преимущественно положительные эмоции, продемонстрировали более высокие баллы по шкалам самооффективности и толерантности к неопределенности, чем те, кто в равной степени испытывал позитивные и негативные эмоции. Этот результат соответствует ранее полученным данным о том, что самооффективность может контекстно изменяться в зависимости от доминирования в недавнем прошлом опыта успехов или неудач и связанных с ними позитивных

Более детализированный анализ самих ситуаций, которые связаны с переживанием позитивных или негативных эмоций мог бы способствовать выявлению большей культурной специфичности, так как вполне вероятно, что культурно закрепленные эмоциональные реакции на определенные ситуации могут различаться

та, мы при помощи иерархического кластерного анализа определили, что в обеих выборках респонденты разделяются на 2 кластера. Метод *k*-среднего позволил выделить эти кластеры. В первый из них вошли респонденты, которые в течение недели до прохождения опроса в равной степени переживали позитивные и негативные эмоции (НРоссия = 138, НУзбекистан = 129), во второй – респонденты, у которых в этот период доминировали положительные эмоции (НРоссия = 173, НУзбекистан = 143).

Была построена модель медиации, в которой ситуационный фактор (выраженный в эмоциональном фоне переживания ситуаций) и его взаимодействие с личностными детерминантами (толерантностью к неопределенности

или негативных эмоций (Zhang, 2016). Кроме того, ранее было показано, что люди, демонстрирующие высокую толерантность к неопределенности, в меньшей степени сообщают о негативных эмоциях и в большей степени о высокой удовлетворенности жизнью (Garrison et al., 2017).

В обеих выборках сам по себе эмоциональный фон не связан с предпочтением различных стратегий совладания. Исключение составляет выбор стратегии проактивного совладания в российской выборке, где респонденты с доминирующими позитивными эмоциями предпочитали ее в большей степени. Данный результат интересен в контексте имеющихся исследований на других выборках, показывающих, что позитивный аффект

положительно связан с проактивным совладанием (Greenglass, Fiksenbaum, 2009; Vaculikova, Soukup, 2019).

Если говорить о взаимодействии эмоционального состояния и личностных переменных, то в обеих выборках в большинстве случаев можно наблюдать опосредованную связь эмоционального состояния и выбора различных стратегий совладания (проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, а также стратегического планирования) через представление о собственной самооффективности. Схожие результаты в различных культурных группах могут быть связаны с отсутствием различий в предпочтении данных стратегий совладания у представителей двух выборок (см. табл. 2).

Важно отметить, что в обеих выборках стратегии поиска информационной и эмоциональной поддержки не связаны с эмоциональным состоянием и очень слабо связаны с самооффективностью (что не отражается на общем эффекте). Этот результат приводит к выводу о том, что предпочтение данных стратегий совладания может быть связано с каким-то другим перечнем ситуационных (например, спецификой самих переживаемых трудностей) и личностных (например, характеристиками персональных ценностей) детерминант.

Выявилось, что взаимодействие эмоционального состояния и толерантности к неопределенности предсказывает выбор только одной стратегии, а именно, проактивного совладания в обеих выборках. Наиболее интересный культурно-специфический результат связан с ролью толерантности к неопределенности при выборе стратегического планирования у узбекской выборки. В частности, различия в эмоциональных состояниях усиливали у данных респондентов различия в толерантности к неопределенности, которая в свою очередь уменьшала выбор стратегического планирования.

Заключение

Целью данной работы являлось изучение роли взаимодействия ситуационных и личностных переменных в предсказании различных стратегий проактивного

копинга. Полученные результаты продемонстрировали больше культурной универсальности, нежели культурной специфичности. Объяснений данным особенностям может быть несколько. Во-первых, наше исследование ограничивалось выборками студентов крупных городов России и Узбекистана и не являлось полностью репрезентативным для кросс-культурных измерений. Во-вторых, оценка предшествующей и текущей жизненной ситуации операционализировалась через измерение позитивного и негативного аффектов, переживаемых респондентами. Более детализированный анализ самих ситуаций, которые связаны с переживанием позитивных или негативных эмо-

ций, мог бы способствовать выявлению большей культурной специфичности, так как вполне вероятно, что культурно закрепленные эмоциональные реакции на определенные ситуации могут различаться.

Мы видим два возможных направления дальнейших исследований в данной области:

1. Содержательный анализ образа трудных ситуаций как с точки зрения культурной специфичности, так и кросс-культурной инвариантности;
2. Расширение спектра изучаемых детерминант проактивного совладания и включения в них в качестве возможных социальных ценностей и персональных ценностных ориентаций.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект №19-013-00612 «Кросс-культурный анализ личностных и ситуационных детерминант совладания с трудными жизненными ситуациями»

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 19-013-00612 «Cross-cultural analysis of personal and situational determinants of coping with difficult life situations».

Литература:

- Белинская Е.П., Вечерин А.В. Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг» // Социальная психология и общество. – 2018. – № 3. – С. 137–145. doi: 10.17759/sps.2018090314
- Битюцкая Е.В. Типы ориентаций в трудных жизненных ситуациях // Вопросы психологии. – 2018. – № 5. – С. 41–53.
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 15–26.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.У. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 2. – С. 92–104. doi: 10.1007/s10902-016-9791-4
- Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 91–110.
- Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 65–86.
- Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 106–126 // Psyjournals.ru. Портал психологических изданий : [сайт]. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88675_full.shtml – (дата обращения: 10.09.2020). doi: 10.17759/psylaw.2017070409
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. – 1996. – № 7. – С. 71–77.
- Altan-Atalay A., Zeytun D., (2020). The Association of Negative Urgency with Psychological Distress: Moderating Role of Proactive Coping Strategies. *Journal of Psychology*, 154(7), 487–498. doi: 10.1080/00223980.2020.1784824
- Asmolov A.G., Schekhter E.D., Chernorizov A.M., Lvova E.N. (2018). Prerequisites of sociality: Historical and evolutionary analysis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(3), 2–17. doi: 10.11621/pir.2018.0301
- Becerra R., Preece D., Campitelli G., Scott-Pillow G. (2017). The Assessment of Emotional Reactivity Across Negative and Positive Emotions: Development and Validation of the Perth Emotional Reactivity Scale (PERS). *Assessment*, 26(5), 1–13. doi: 10.1177/1073191117694455
- De Leersnyder, J., Boiger, M., & Mesquita, B. (2016). Cultural Differences in Emotions. In R. A. Scott & S. M. Kosslyn (Eds.), *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*. New York: Wiley. 1–15. doi: 10.1002/9781118900772.etrds0060
- Drummond S., Brough P. (2016). Proactive coping and preventive coping: evidence for two distinct constructs? *Personality and individual differences*, 92, 123–127. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.029
- Garrison Y.L., Lee K.H., Ali S.R. (2017). Career identity and life satisfaction: the mediating role of tolerance for uncertainty and positive/negative affect. *Journal of Career Development*, 44, 516–529. doi: 10.1177/0894845316668410
- Greenglass, E. R., Fiksenbaum, L. (2009). Proactive coping, positive affect, and well-being: Testing for mediation using path analysis considerations. *European Psychologist*, 14, 29–39 doi: 10.1027/1016-9040.14.1.29

- Hu, L., Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
- Kryukova, T.L., Grigorova, T.P., & Ekimchik, O.A. (2018). Destructive attachment as addictive behaviour: cognitive aspects. *Journal of Behavioral Addictions*, 7(1), 1887–1893.
- Kuo B.C. (2011). Culture's Consequences on Coping Theories, Evidences, and Dimensionalities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42(6), 1084–1100. 19. Martsinkovskaya T. (2019). Connections Between Socialization And Individualization In Multicultural World. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 14, 365–372. doi: 10.1177/0022022110381126
- Miao M., Zheng L., Gan Y. (2017). Meaning in life promotes proactive coping via positive affect: a daily diary study. *Journal of happiness studies*, 18(6), 1683–1696.
- Shavitt S., Young Ik Cho, Johnson T., Duo Jiang, Holbrook A., Stavrakantonaki M. (2016). Culture Moderates the Relation Between Perceived Stress, Social Support, and Mental and Physical Health. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(7), 956–980. doi: 10.1177/0022022116656132
- Smith M., Saklofoske D., Keefer K. (2016). Coping Strategies and Psychological Outcomes: The Moderating Effects of Personal Resiliency. *Journal of psychology*, 150(3), 318–332. doi: 10.1080/00223980.2015.1036828
- Vaculikova J., Soukup P. (2019). Mediation patterns of proactive coping and social support on well-being and depression. *International journal of psychology and psychological therapy*, 19(1), 39–54.
- Williams D., Rhodes R.E. (2016). The Confounded Self-Efficacy Construct: Review, Conceptual Analysis, and Recommendations for Future Research. *Health Psychological Review*, 10(2), 113–128. doi: 10.1080/17437199.2014.941998
- Yoshihisa Kashima (2016). Culture and Psychology in the 21st Century: Conceptions of Culture and Person for Psychology Revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(1), 4–20. doi: 10.1177/0022022115599445
- Zhang, R.-P. (2016). Positive Affect and Self-Efficacy as Mediators Between Personality and Life Satisfaction in Chinese College Freshmen. *Journal of Happiness Studies*, 17(5), 2007–2021. doi: 10.1007/s10902-015-9682-0

Reference:

- Altan-Atalay A., Zeytun D., (2020). The Association of Negative Urgency with Psychological Distress: Moderating Role of Proactive Coping Strategies. *Journal of Psychology*, 154(7), 487–498. doi: 10.1080/00223980.2020.1784824
- Asmolv A.G., Schekhter E.D., Chernorizov A.M., Lvova E.N. (2018). Prerequisites of sociality: Historical and evolutionary analysis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(3), 2–17. doi: 10.11621/pir.2018.0301
- Becerra R., Preece D., Campitelli G., Scott-Pillow G. (2017). The Assessment of Emotional Reactivity Across Negative and Positive Emotions: Development and Validation of the Perth Emotional Reactivity Scale (PERS). *Assessment*, 26(5), 1–13. doi: 10.1177/1073191117694455
- Belinskaya E.P., Vecherin A.V. (2018). Adaptation of diagnostic tools: «Proactive coping» questionnaire. [*Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo*], 3, 137–145. doi: 10.17759/sps.2018090314
- Bytuskaya E.V. (2018) Types of orientations in difficult life situations [*Voprosi psichologii*], 5, 41–53.
- De Leersnyder, J., Boiger, M., & Mesquita, B. (2016). Cultural Differences in Emotions. In R. A. Scott & S. M. Kosslyn (Eds.), *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*. New York: Wiley. 1–15. doi: 10.1002/9781118900772.etrds0060
- Drummond S., Brough P. (2016). Proactive coping and preventive coping: evidence for two distinct constructs? *Personality and individual differences*, 92, 123–127. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.029
- Garrison Y.L., Lee K.H., Ali S.R. (2017). Career identity and life satisfaction: the mediating role of tolerance for uncertainty and positive/negative affect. *Journal of Career Development*, 44, 516–529. doi: 10.1177/0894845316668410
- Greenglass, E. R., Fiksenbaum, L. (2009). Proactive coping, positive affect, and well-being: Testing for mediation using path analysis considerations. *European Psychologist*, 14, 29–39 doi: 10.1027/1016-9040.14.1.29
- Hu, L., Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
- Karabanova O.A.. (2017). Child-parent relations and practice of upbringing in the family: cross-cultural aspect [*Sovremennaya Zarubezhnaya Psichologiya*], 6(2), 15–26. Psyjournals.ru. Psychological publications portal: [site]. URL:https://psyjournals.ru/files/86620/jmfp_2017_n_2_Karabanova.pdf (date accessed: 09/10/2020). doi: 10.17759/jmfp.2017060202
- Kryukova, T.L., Grigorova, T.P., & Ekimchik, O.A. (2018). Destructive attachment as addictive behaviour: cognitive aspects. *Journal of Behavioral Addictions*, 7(1), 1887–1893.
- Kuo B.C. (2011). Culture's Consequences on Coping Theories, Evidences, and Dimensionalities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42(6), 1084–1100.

- Martsinkovskaya T. (2019). Connections Between Socialization And Individualization In Multicultural World. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 14, 365–372. doi: 10.1177/0022022110381126
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.U. (2016). Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about intercultural interaction in the Russian context. *[Psichologicheskii Zhurnal]*, 37(2), 92–104. doi: 10.1007/s10902-016-9791-4
- Miao M., Zheng L., Gan Y. (2017). Meaning in life promotes proactive coping via positive affect: a daily diary study. *Journal of happiness studies*, 18(6), 1683–1696.
- Osin E.N. (2010). Factor structure of the Russian-language version of the D. McLain scale of general tolerance of uncertainty. *[Psichologicheskaya diagnostika]*, 2, 65–86.
- Osin E.N. (2012). Measuring positive and negative emotions: developing a Russian-language analogue of the PANAS methodology. *[Psichologiya. Zhurnal Vischei Shkoly Ekonomiki]*, 9(4), 91–110.
- Rogachev V.A., Konopleva I.N. (2017). Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies among law enforcement officers. *[Psichologiya i Pravo]*, 7(4), 106–126 // Psyjournals.ru. Psychological publications portal: [site]. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88675_full.shtml. (date accessed: 09/10/2020). doi: 10.17759/psylaw.2017070409
- Schwarzer R., Erusalem M., Romek V. (1996). Russian version of the scale of general self-efficacy of R. Schwarzer and M. Erusalem. *[Inostrannaya Psichologiya]*, 7, 71–77.
- Shavitt S., Young Ik Cho, Johnson T., Duo Jiang, Holbrook A., Stavrakantonaki M. (2016). Culture Moderates the Relation Between Perceived Stress, Social Support, and Mental and Physical Health. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(7), 956–980. doi: 10.1177/0022022116656132
- Smith M., Saklofoske D., Keefer K. (2016). Coping Strategies and Psychological Outcomes: The Moderating Effects of Personal Resiliency. *Journal of psychology*, 150(3), 318–332. doi: 10.1080/00223980.2015.1036828
- Vaculikova J., Soukup P. (2019). Mediation patterns of proactive coping and social support on well-being and depression. *International journal of psychology and psychological therapy*, 19(1), 39–54.
- Williams D., Rhodes R.E. (2016). The Confounded Self-Efficacy Construct: Review, Conceptual Analysis, and Recommendations for Future Research. *Health Psychological Review*, 10(2), 113–128. doi: 10.1080/17437199.2014.941998
- Yoshihisa Kashima (2016). Culture and Psychology in the 21st Century: Conceptions of Culture and Person for Psychology Revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(1), 4–20. doi: 10.1177/0022022115599445
- Zhang, R.-P. (2016). Positive Affect and Self-Efficacy as Mediators Between Personality and Life Satisfaction in Chinese College Freshmen. *Journal of Happiness Studies*, 17(5), 2007–2021. doi: 10.1007/s10902-015-9682-0